

Индец в польском подвале. Истории о родственниках книжного графика

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1763>

9 августа 2014

Собеседник

Жутовский Борис Иосифович

Ведущий

Лепешонкова Нина Викторовна

Дата записи

Беседа записана 9 августа 2014 и опубликована 21 октября 2016.

Введение

В первой беседе художник Борис Жутовский рассказывает о приключениях своей семьи: как его дядя нашел в разрушенном Берлине книгу заклинаний, а польская бабушка во время войны прятала в подвале индейца. Главным учителем Борис Жутовский называет своего дедушку, мастера экслибриса Дмитрия Архангельского. Художник рассказывает о новых техниках в книжной графике, одержимости рисунком, книгах, которые появились после смерти Сталина, любви к варенью и прозвище Чуфирадло, которым его называл отчим.

Борис Иосифович Жутовский: ...Наше свидание имеет окраску искусства, как я понимаю.

Нина Викторовна Лепешенкова: Естественно: истории и искусства.

Б.Ж.: То есть история художника.

Н.Л.: Да, история личности — что влияло, что послужило горнилом для того, чтобы у человека сложилось именно такое художественное видение. Хотелось бы вглубь пойти истории вашей семьи. Фамилии ваших родителей, бабушек.

Б.Ж.: Я родился в 1932-м, то есть в этом году мне 82 года. Все, что происходит у нас в стране, я уже проходил. Для меня это досадное повторение, а не неожиданность. Всю жизнь, сколько я себя помню, взаимоотношения власти, социума и художника — это постоянное противоречие, никогда не приходящее в гармоничное состояние, никогда. Я думаю, так и должно быть. Кто-то недавно говорил о том, что художники вроде пророков, как и поэты, у нас свойство мышления такое... Как правило, они — герои послезавтрашнего дня

ЛИЦО ЧЕЛОВЕКА

Рисунок для «Роман-газеты», 1971

Всякий хороший художник — это мертвый художник.

Семейные хроники

Папа у меня был инженер, и погиб в 1938 году, возвращаясь из экспедиции по поискам летчика Леваневского. Стыдно так говорить, но думаю, что это хорошо, потому что, если бы он не погиб, его бы, конечно, посадили, и моя жизнь была бы другой. Перед этим он был в Америке. Он был специалистом по авиационным приборам, авиационным компасам. Осенью 1937 года была очередная дурь советской власти, которая выглядела продолжением папанинцев, челюскинцев, помпезная, чтобы скрыть расправу со страной и людьми. Громкая, героическая часть существования страны. Он (*отец. — Ред.*) родился в 1904 году. Мама родилась в 1910-м. Мама из семьи мещан, как я думаю. Я москвич в седьмом поколении.

Н.Л.: А какая у мамы была фамилия?

Б.Ж.: Мамина девичья фамилия Яковлева. Дедушка был тоже инженером, тоже работал на авиационном заводе. Вероятно, вероятно там и произошло знакомство моего отца с мамой, потому что где-то есть фотография, где сидят инженеры: дедушка и отец. Фотография сделана до того, как они поженились. Про родню и фамилию отца я ничего не знаю. Какие-то осколки его биографии в этой картине есть. Пропуска к Сталину, последняя телеграмма из Архангельска, перед тем как они погибли. У бабушки (*маминой мамы. — Ред.*) было пятнадцать братьев и сестер, поэтому родственников по этой части несметное количество. Я очень мало их знаю. Были невероятные родственники, героические, таинственные. Например, у бабушки была сестра Анисья Ивановна. Бабушка была Марья Ивановна, а эта Анисья Ивановна. Она вышла замуж за дядю Витю. Дядя Витя был белый офицер и оказался начальником штаба атамана Шкуро. В один прекрасный день он вышел на крыльцо избы и увидел, что его солдаты взяли «красенького» и повели к стенке — стрелять. Это был его товарищ по офицерскому училищу. Он отменил расстрел, запер его в сарай, ночью выпустил. Через некоторое время большевики, как нам известно, победили, дядя Витя укрылся на своей родине в городе Кисловодске. Там его тоже быстро вычислили и собирались поставить к стенке, его и его жену тетю Оню, Анисью Ивановну. Но начальником большевиков в этом городе оказался тот самый офицер, которого он выпустил. Тот выпустил дядю Витю и поменял ему фамилию. У них родился сын Толя, про которого я вам чуть позже расскажу. И когда мой дядя Толя, их сын, умер, только тогда я у его дочери узнал его настоящую фамилию. В первые же дни войны он ушел на фронт, Толька.

” Дважды был ранен. Когда второй раз был ранен сказал: «Я знаю, Борька, за что. Я с немецкого офицера часы снял». Это единственное, что он сделал во время войны. И еще подобрал в разрушенном Берлине книгу магических заклинаний с острова Суматра, написанную на языке лампонг.

У него не было детей тогда, он был молодой, сразу после школы, буквально сдали экзамен — и... После двух ранений он оказался в войсках так называемого второго эшелона, то есть среди тех, что шли за передовыми частями, добивали, воровали — карательно-хозяйственный дивизион. Тетя на зиму рубила свекольную ботву и замораживала ее в бочке в сарае. С бабушкой они пили чай с селедочными головами.

Кончилась война. Был голод. Это я всё помню. Он приехал в Москву. Сапоги подвязаны веревкой. Пошел в военкомат, говорит: «Возьмите на сверхсрочную службу, мне не на что жить». Его взяли в те же войска, войска МВД. Кончил он свою карьеру военным секретарем Лаврентия Берии. Когда взяли Берию, в приемную (*Берии*) вошел генерал Серов, говорит: «Зайдите в мой кабинет». Единственное, что он (Анатолий) успел: позвонить своему генералу и попросить, чтобы тот сообщил его жене, что его арестовали.

Его поместили в одиночную камеру, дали кучу книг, он читал, потом еще приносили. Две недели он просидел в одиночке, потом его вызвали на суд. У него была удачная форма мимикрии: он был красивый, голубоглазый, и изобразить идиота ему ничего не стоило. Его не посадили, а сослали на работу

в гараж МВД. С большим трудом через несколько лет он ушел оттуда, кончил автодорожный институт (МАДИ. — *Ред.*) и до самой смерти работал в научно-исследовательском институте автомобильной промышленности. Он был достаточно серьезный специалист по автомобильным шинам.

Борис Жутовский

” Поскольку он бывший гбэшник, он мог ездить по миру и воровать секреты. Когда однажды я с ним напился и стал уговаривать: «Напиши всё, что было с тобой». — «Ты их не знаешь, а я-то знаю, у меня дети и внуки, отвяжись». Вот один из эпизодов моей семьи. Здесь про всё написано.

Значит, отец погиб. Жизнь мамы в этом отношении, конечно, трагичная. Смотрите, она родилась в 1910 году. В 1914-м Первая мировая война, в 1917-м революция. Добрались до НЭПа — а потом разгром НЭПа, 1932 год — голод, и я родился. Мама мне рассказывала, чем меня кормила и как она выкручивалась, чтобы мне хоть что-то дать. В 1938-м, в мае, погиб отец, а в октябре умер дедушка. Двадцативосьмилетняя женщина потеряла отца и мужа в одночасье. В 1940 году она вышла замуж за моего отчима, с которым я и прожил благополучно тридцать лет. Это был, пожалуй, единственный мужчина в моей жизни, который меня и формировал как мужчину. Из тамбовских дворян, спасшийся и убежавший, вырвавшийся из-под тамбовского восстания. Он тихо работал в Москве перерисовщиком в книжных издательствах. Много

читал, книжки не сходили со стола. Самые любимые — Бунин и Шекспир. От этого моя любовь к книжке.

Н.Л.: Борис Иосифович, а фамилия эта его или это фамилия вашего отца?

Б.Ж.: Нет, отца моего. Его (*отчима. — Ред.*) фамилия была Крастелёв.

Л.Н.: Крастелёв. А имя-отчество?

Б.Ж.: Игорь Александрович Крастелёв. Его сшибла машина, и на девятый день в институте Склифосовского он умер буквально на моих руках... в 1970-м. Мама больше не выходила замуж, жила одна. Была энергичная дама, общественная такая, с характером. И умерла на восемьдесят третьем году жизни в 1993-м.

Н.Л.: А чем она занималась?

Б.Ж.: Мама тоже издательский работник, чертежник. Собственно, благодаря им я и пошел в Полиграфический институт... По родительским стопам. Это и сейчас принято, а в те времена это очень важно было, потому что понятно хоть, что за спиной. Хочу вам прочесть текст про моего отчима, который я написал.

Н.Л.: Я с удовольствием послушаю.

Б.Ж.: Он любопытный был дядька. Умный, осторожный. За семьдесят лет его жизни много чего происходило. Мне восемьдесят два, и я живу семьдесят восемь лет в одной и той же квартире.

Н.Л.: А где она находится?

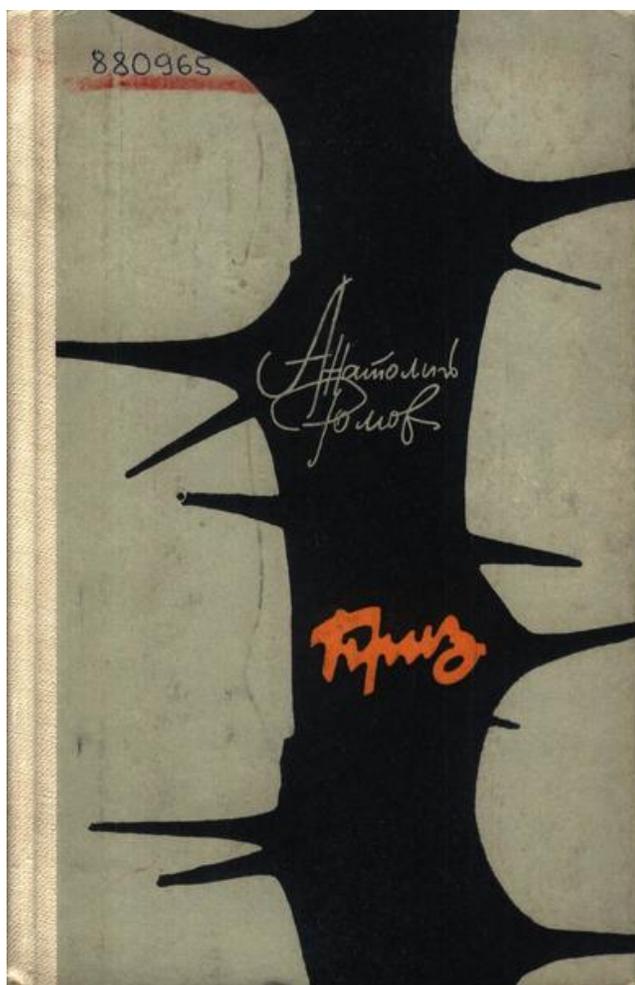
Б.Ж.: В Кутузовском проезде, мои окна выходят на панораму Бородинской битвы... Поищите «Новую газету» за этот год, я им рассказал про то место, где живу. Большой материал, полосы на две.

Н.Л.: Какого года газета?

Б.Ж.: Этого года, этого... Нашими соседями по лестничной площадке была семья одного из двадцати шести бакинских комиссаров. Что сделала с ними советская власть — это отдельный рассказ, это как «Сага о Форсайтах», фантастическая история. Также фантастическая история была у бабушки, это я вам уже сказал. Сумасшедшая история. Вообще обожаю байки, у меня их много. (*Усмехается.*) Вот я с вами так всю жизнь буду колупать.

У меня был дедушка-художник: Дмитрий Иванович Архангельский. Сам он из Симбирска, из Ульяновска. Он был учителем Пластова. Его я держу за главного учителя в своей жизни, притом он не педагог — учитель. Остальные: Андрей Дмитриевич Гончаров, Белютин и так далее — педагоги, а это был учитель. Мы с ним переписывались. Некоторое время тому назад, при благополучных обстоятельствах, я в одной галерее сделал выставку его акварели. Он дивный акварелист. И издал книжку его писем ко мне. Получите в подарок.

Н.Л.: Спасибо.

Обложка книги Анатолия Ромова «Приз», 1982

Отчим Горяша и его система воспитания

Б.Ж.: Вот сейчас я вам прочту про Горяшу. (*Читает байку.*) «Горяш, у тебя есть...» — «Нету!» — «Ты же не знаешь, чего». — «А чего?» — «У тебя ластик есть?» — «Есть». — «Дай, мне надо стереть». — «Не дам». — «Ну что, тебе жалко что ли?» — «Не жалко, а убывает». (*Смеются. Читает следующий рассказ.*) «Жизнь с ним незабываема. Любовь к слову, озорство и ерничанье, видно доставшееся ему с детства, украшали наше бытие на зависть. Одежда, в которой я ходил в нищие военные-послевоенные годы, имела три названия: хуеробка, разъетин и ебитрень. (*Смеются.*) «Нин, что это за ебитрень ты на Борьку напялила?» — или: «Ну что, эфиопская морда, ты в этой хуеробке в приличный дом намылился?» Эфиопская морда — это я. Если замечал, что я верчусь на кухне во время подготовки обеда или других хозяйственных хлопот, он шугал меня окликом: «Уйди с кухни, бабий побздюх!» Из ванной комнаты и даже ночью по нужде он выходил, надев брюки. Однажды ко мне приехали друзья с Урала, Митя и Леша. Утром они шлепали в ванную в трусах. Горяш вышел в коридор, остановился и рявкнул: «Борька, это что еще за охрипцы шастают по квартире с голыми яйцами?! Мать в доме!»

К столу порой попадали яблочки, капуздочка, засиски и картоха с таким. Игорь всегда ел из одной и той же тарелки, у него были свои ложки с монограммой, его место за столом было свято. Полотенце — его, а не общее. Когда у меня на морде появился пух, я стал потаскивать его бритву. Немедленно получил в подарок свою, а когда пару раз брал его помазок, получал мыльный тычок по эфиопской морде. Одежду свою, даже носки, на ночь аккуратно вывешивал на спинке стула. После каждого выхода в город чистил

обувь, брюки и вешал в шкаф.

” В те времена одежду шили на заказ, женскую обувь тоже, и обновление гардероба было событием.

Первый костюм мне справили к выпускному вечеру по окончании школы. «Ну что, Чуфирадло, отучил задачки? Иди, поерыкайся, только матери наври с умом, если думаешь прийти в три ночи, скажи, что придешь в пять, чтоб не волновалась».

” От него остались дневники за сорок семь лет его жизни. Каждый день по три-четыре строчки. Каждый день. «5 марта 53-го года. Погода дрянь. Сломал левый клык. Васька, это любимый кот, опустил лапки в кипяток. Мы ставили кастрюли греться. Ну, крышка съехала. Сдох персюк проклятый. Мариванна ночевала» (Сдох — Сталин. Мариванна ночевала — теща).

Первое семейное фото, 1961 г

В его дневнике почти через день упоминание тещи: «Опять теща ночевала», «опять теща приезжала»,

«если бы не теща...» По утрам худая и вечно мерзнущая бабушка приползала с раскладушки на кухню в роскошном наряде: комбинация с кружевами была заправлена в фиолетовые трико с начесом, задранные высоко, под самые кружева. Резинки из штанин бабушка вынимала, потому что они жали ей ноги. Толстые чулки на худых ногах утопали в меховых тапках. Во рту торчала неизменная беломорина.

”

«Мариванна!» — укоризненно разводил руками Горяша, столкнувшись поутру с бабушкой в коридоре. «Ой, Игорек, пойдите вы в жопу!» — бросала она, поправляя пенсне на носу, и с гордой независимостью скрывалась на кухне.

Кот Васька и его проделки

Образец поведения мужчины в доме демонстрировался каждый день. И он, и мама работали на дому, поэтому заботы и хлопоты делились по справедливости. Игорь подметал полы, натирал паркет воском, стелил постель, мыл посуду и влажной губкой собирал шерсть любимого кота Васьки с дивана и кресел. Любовь к Ваське была всепоглощающей. «У тебя есть Борька, а у меня Васька». Песенки и прибаутки в адрес любимца были под стать гению Джамбула Джабаева и Сулеймана Стальского: «Вот лежит любимый кисик, толстощекий шепукистик», «Все-то любят кота-Васю, все-то глядят кота-Васю», «У кисенка пушистые штанишки и хвост султанчиком». В отдельной коробке собирались коготки кота, которые время от времени кошки сбрасывают. Он мыл ему попку и убирал за ним в уборной. За годы кот привык есть только мелконарезанную еду, мясо или рыбу. Спасенный котенком от глупого соседского мальчишки Васька прожил у нас восемнадцать лет, значительное время нашего бытия.

Это произошло летом, вскоре после окончания войны. Мама который день обивала пороги парткомов-месткомов в попытке устроить меня в пионерлагерь. Я валандался где-то во дворе, играя в расшибец или колдунчики. Горяша сидел за столом, работал или читал любимого Бунина. Кот Васька подошел к нему, кастрачьим голосом промяукал, встал и, оглядываясь, потрусил на кухню. Игорь пошел за ним, напевая гимн любимому. На полу кухни лежал кусок роскошного мяса, грамм четыреста: «Ах ты глупый цепукистик, ты зачем популил мяско? Посеку тебя кнутиком», — причитал он, отрезая кусочек коту, и спрятал остальное в холодильный шкафчик под окном, тогда не было холодильников. И вернулся к столу.

Через некоторое время кот Васька опять закисикал к Горяше. На кухне лежал кусок мяса. В холодильнике, первый, был на месте. Отрезавши шматок коту, Горяша спрятал и новый кусок. На пришедшую маму крик обрушился уже у порога: «Бросаешь мясо где попало, а потом коту надерут задницу». — «Откуда, Игорь, мясо? Третий день в доме одна лапша». Наш пятый этаж по архитектурной конструкции имеет сплошной широкий карниз вдоль всего фасада. Горяша пошел по квартирам пятого этажа в надежде извиниться и вернуть мясо. Ничего не вышло, хозяин не нашелся. Несколько дней у нас были мясной суп и лапша по-флотски. И только через сорок с лишним лет, в 1990 году я узнал у молодой дамы, что это ее бабушка, жившая в соседнем подъезде на пятом этаже, не признала пропажу. Уж больно красивый был котик, беленький, пушистый.

Гимн варенью

С середины лета в доме начинали варить варенье. Перво-наперво из земляники. Варилось оно несколько дней, отстаиваясь и набухая, чтобы ягодка к ягодке. Пенки, понятно, были платой за то, чтобы я не лазил в таз. Отдавали блюдец с пенкой с припугом: «Залезешь — прокиснет». Следом шла клубника, затем наступала очередь вишни. Бабушка садилась на кухне и железной шпилькой ловко выколупывала косточки. Израненные вишенки варились и того дольше, критерием готовности был цвет варенья на свет.

Видит бог, ни на одной картине в музеях мира мне не случалось видеть такой красоты краплака.

Осенью наступал черед абрикос. Их разрезали на половинки, варили, а где-то в середине колдовства кидали в таз орешки из расколотых косточек. Вся эта сказка разливалась по банкам, банки накрывались калькой, завязывались тоненькой веревочкой, и сверху ставилась дата. Все это отправлялось в черного дуба с резными колоннами, бронзовыми накладками и граненым стеклом буфет. На мое несчастье буфет стоял в моей комнате. До поздней осени я утерпевал. Варилось иногда что-то проходное: перетиралась черника, перетиралась черная смородина с сахаром — «витамин ребенку для мозгов», еще какая-то мелочь.

Но с осени часами приходилось сидеть за уроками или в дождливые дни скакать с д'Артаньяном или Мелеховым — банки с вареньем не шли из головы. Я шел в чулан, брал пузырек с маслом для смазки швейной машинки «Зингер» с ножным приводом и капал по капельке на бронзовые петли буфета. Тихонько открывал дверцу, вытаскивал банку на стол и замирал. В комнате родителей было тихо. Тогда я поддевал веревочку, оттягивал изо всех сил и снимал с горлышка. Нельзя было нарушать мамин сложный узелок. Дальше наступало самое сложное. Калька местами приклеивалась и вообще громко шуршала. Терпения на этом этапе уходило уйма. Наконец я поднимал банку двумя руками и прикладывал ее к губам, тарачась на медленный подступ к краю банки вождельного счастья. «Борис, поставь банку на место, — раздавался мамин голос». — «Нинк, — это Горяша, — а ты слышишь, как он в носу ковыряет?».

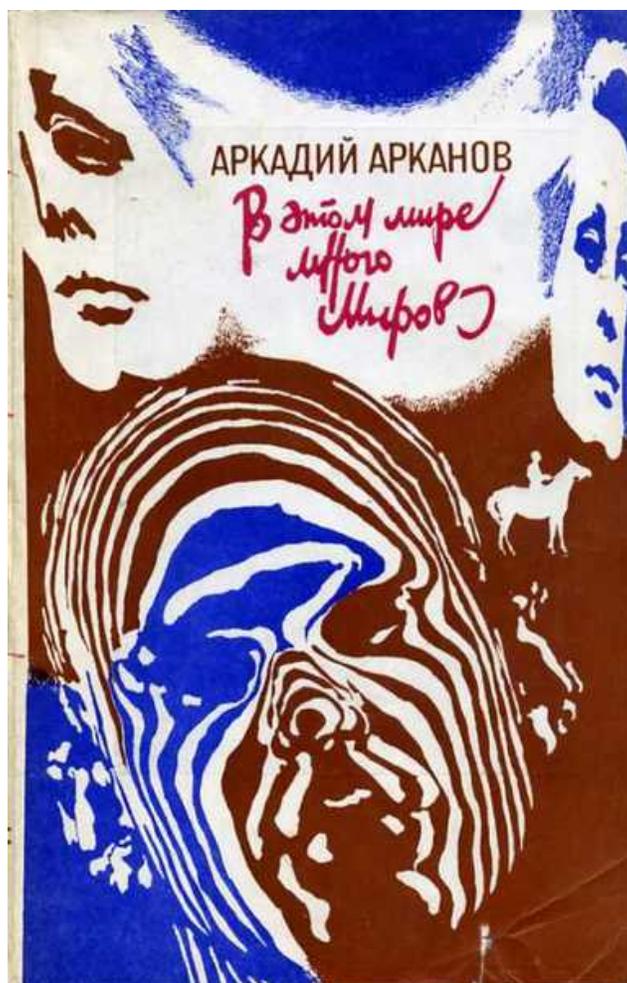
Теперь, уже в старости, я замечаю в своем поведении, поступках и мыслях все больше Горяшиных привычек. Мне порой так и хочется ткнуться носом ему в ухо или лечь пузом на краю стола и поспрашивать что-нибудь важное про то, как жить. Он бы выслушал меня, почесал за ухом теплого, под настольной лампой, Ваську, щелкнул меня по носу и сказал: «Ну и с дурью же ты пирог, Борька». *(Смеются. Рассказ закончился.)* Вот вам один из рассказов.

Н.Л.: Да, теплое было у вас детство.

Б.Ж.: Да нет, оно не было теплым. Он был отчим, и отчим демонстративный. «У меня Васька, у тебя Борька». Но справедливый. С чувством собственного достоинства. Умный. Вспоминаю его, во всяком случае, с большим почтением.

Н.Л.: То есть и доставалось тоже от него?

Б.Ж.: Немножко, конечно, но не сильно. Нет-нет, он ни разу в жизни не ударил. Никогда. Мамка иногда давала по затылку, с детства я помню, у нее очень тяжелая была рука. По ее шлепку я проходил низко над паркетом до поворота на кухню, ударялся в стену и вваливался на кухню. Я был очень энергичный, очень.

Обложка книги Аркадия Арканова «В этом мире много миров», 1994

Детское рисование

Рисовать я начал рано, очень мне это нравилось. Это было убого, как всякое детское рисование.

Н.Л.: Вы считаете детское рисование убогим?

Б.Ж.: *(Подбирает слова.)* Думаю да, потому что детское рисование — это отдельная, не имеющая продолжения субстанция.

” Родители думают: вот, он у меня рисует, я его пошлю по этой линии — это большая ошибка. Потому что детское рисование, так же, как сочинение стихов, — это субстанция детства, она не имеет продолжения, как правило не имеет продолжения. Бывает и наоборот.

Н.Л.: Борис Иосифович, есть такая знаменитая фраза Пикассо: «Я наконец-то научился рисовать как дети». Получается, что это был путь Пикассо обратно в детство?

Б.Ж.: Та непосредственность, которая есть у детей, к ней вернуться в пожилом возрасте — большая удача. Недавно я где-то в фейсбуке увидел картинку Пикассо... Есть такая Галя Толова из Перми, которая, судя

по всему, педагог. Она выкладывает в фейсбуке поразительные вещи. Выкладывает штук двадцать: руки в изобразительном искусстве. Приблизительно то же самое, что сделал Шемякин. Вы знаете об этой энциклопедии конечно. Или Кляйна вдруг выкладывает. Чтобы в Перми педагог пединститута выкладывал Кляйна! У меня с ней фейсбучный роман. Но это, конечно, отдельная тема для разговоров и размышлений, каким образом детство влияет. На всех по-разному, думаю. Но потом я попал в руки дедушки. Вот тут все и началось.

Дедушка и его педагогический метод

Н.Л.: А какой это был возраст? В руки дедушки вы в каком возрасте попали?

Б.Ж.: Думаю, лет в двенадцать–четырнадцать. Он жил под Москвой. Пластов на него орал всё время: «Сам занимайся живописью, что это ты занимаешься...». А он воспитывал... у него была школа. Сейчас расскажу.

Он в Симбирске преподавал в гимназии. В один прекрасный день они шли по улице с приятелем, а на той стороне улицы шел другой приятель. Тот приятель помахал. Через два дня его взяли за фашистское приветствие на улице. Дед решил, что надо бежать. Он был довольно известный педагог, каким-то образом с Крупской был связан, каким — не знаю до сих пор. Он стал преподавать в школе для детей правонарушителей в этом городке... Где у нас атомный город-то, под Москвой?

Н.Л.: Атомный?

Б.Ж.: Обнинск! Там учительствовал. И воспитал этих детей до такой степени, что человек двенадцать, по моему, мальчишек погибли на фронте, часть из них Героями Советского Союза. Он вспоминал это с плачем всегда. Он продал дом в Симбирске (*Ульяновске*) и купил полдомика в Удельной под Москвой, где и прожил всю жизнь, там сейчас живет его внучка, которая бережет его акварели и прочее. Я устроил его большую выставку, издал его письма.

Н.Л.: Это дедушка по маминной...

Б.Ж.: По маминной линии, да. (*Показывает картину.*) Вот его выставка. Вот акварель.

Н.Л.: Очень нежные и крепкие.

Б.Ж.: Поразительные! Эта акварель — просто уж шедевр шедевров. Я ничего подобного никогда не видел. И это гениально. Вот акварель 1911 года. Видите, ему не чужды были и такие вещи.

Н.Л.: Он экспериментировал.

Б.Ж.: Да. Хотя писал мне: «Ты брось свои эти формалины». Его письма, они по-настоящему интересные.

Среди школьных товарищей. Мама Бориса Жутовского – третья справа в первом ряду, 1919 г

Начало войны

Н.Л.: А можно вас перебить? Вы помните, как объявили первый день войны?

Б.Ж.: Конечно.

Н.Л.: Не могли бы описать его? Как это, первое знание о войне?

Б.Ж.: Оторопь. Оторопь, все бегут. И начались бомбежки же. Мы поехали к бабушке — не могли доехать. Бабушка жила на площади Борьбы, здесь недалеко. Ночевали в метро. Второй раз поехали к бабушке — опять в метро ночевали, воздушная тревога. Потом, конечно, все окна черным завешивали, заклеивали газетами стекла. На площади Революции лежал сбитый немецкий самолет и немцы, два летчика...

Н.Л.: А где вы находились, когда услышали объявление о войне?

Б.Ж.: Ну миленькая, мне было не так много лет, я не помню, где я находился в этот момент. Ну что вы хотите, в 1941-м мне было девять лет.

Н.Л.: Достаточно сознательный уже возраст.

Б.Ж.: Да, но тем не менее не помню. Помню, что мы уехали в эвакуацию, в деревню моей няньки, Куймань. Я даже недавно туда съездил, несколько разочаровался. Совершенно не то, что я помню.

Н.Л.: А где это?

Б.Ж.: Невдалеке, Липецкая область. Когда немцы стали туда подходить, мы уехали в Рассказово, родной город отчима. Отдельный разговор. Потом я вам покажу... После того как я закончил эту картину, мысль стала опять крутиться в башке: надо что-то придумать важное. Опять история довлеет надо мной, потому что серии портретов, которые я делал, — их больше трехсот — это опять история. Я придумал такую серию. Сел, подумал: «Черт возьми, много я не нарисовал: дедушку, бабушку, маму молодую, отчима, отца, —никого я не нарисовал. Ну хорошо, я их нарисую. Ну и что?» Тогда я подумал: «Они жили в XX веке. Одновременно в XX веке жили немало в мире гениальных художников». XX век в истории искусства — значительный период, и дико интересный, конечно. Жили они (*родственники. — Ред.*), и жили художники, не пересекаясь.

Я подумал, что буду рисовать близких мне людей на фоне картин XX века.

Чисто профессионально еще это интересно, потому что все образование до XIX века, по изобразительной части, включали в себя копирование, копировали мастеров в академиях, везде. У нас этого не было. И вот сев за эту работу, она вся делается только цветными карандашами, я копирую Пикассо, Пауля Клее, Малевича и прочих и прочих и вдруг начинаю понимать, что и как они делали. Это довольно позднее образование, тем не менее для меня это дико интересно. Я придумал, что нужно сделать сто пятьдесят картиночек. На сегодняшний день готово восемьдесят. Вот они, лежат.

Н.Л.: Это копии.

Б.Ж.: Нет, это близкие мне люди на фоне картин XX века. Вот бабушка, например, и Родченко. Мама и Васильева, знаменитая художница русская, жившая в Париже. Дедушка в Первую мировую войну.

Н.Л.: Восемьдесят работ.

Б.Ж.: Да. Если не устанете, полистаете. Это серьезная работа, сейчас я подзатих с ней, по лени и по здоровью. Надо было колено сделать титановое, сейчас что-то сердце стало капризничать, надо подправить кое-что. И эта идея очень интересная, очень интересная.

Л.Н.: Мне нравится решение.

Б.Ж.: Идея хороша, идея прекрасна.

Л.Н.: Исполнение еще очень...

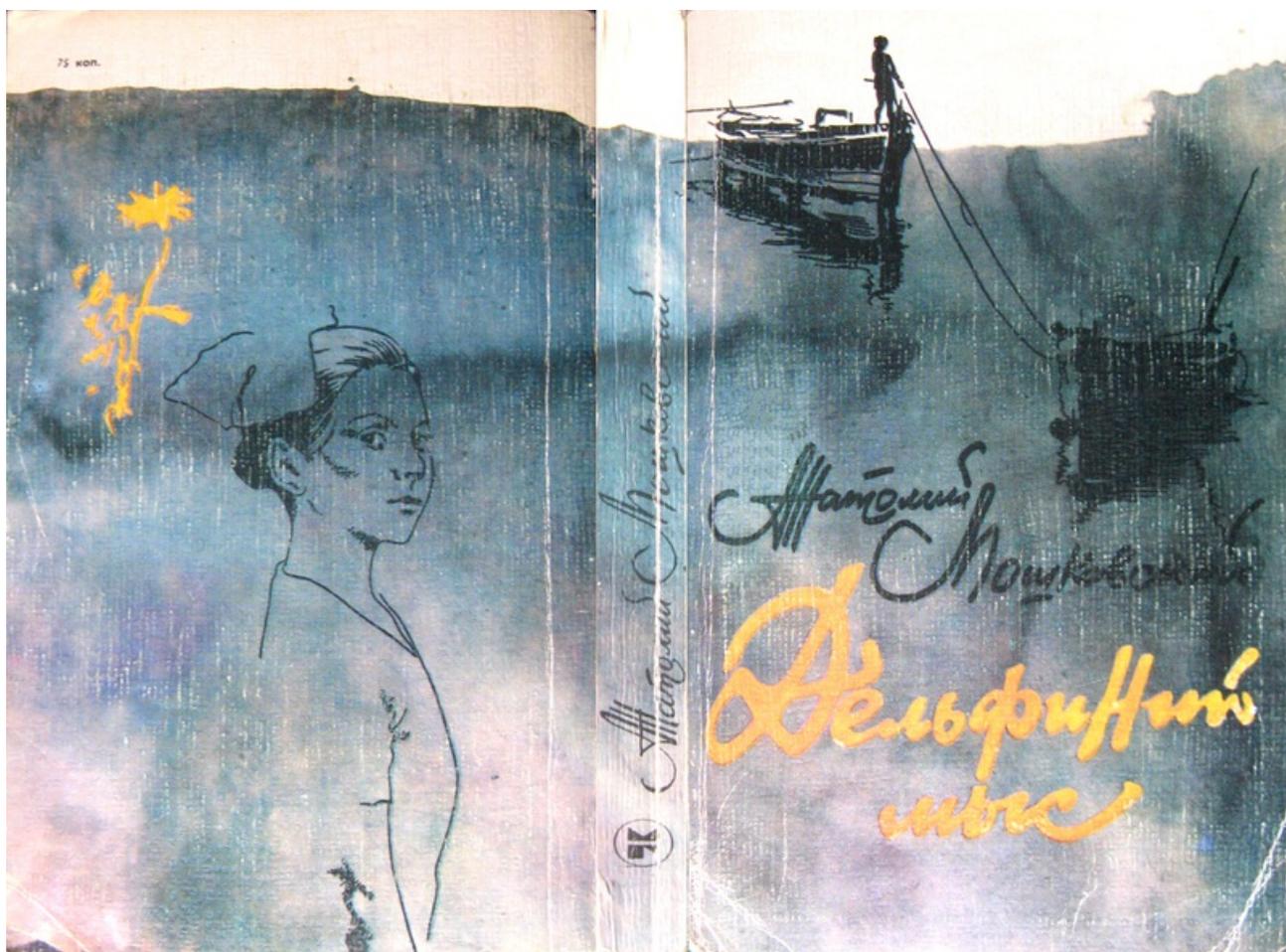

Иллюстрация к сборнику Анатолия Мошковского «Дельфиний мыс», 1986

Одержимости

Б.Ж.: Идея прекрасная. Я много придумывал одержимостей своих. Например, был у меня приятель Юра Соболев, ныне покойный, и я приехал к нему в гости. Раздался телефонный звонок, подруга жены сказала, что она (*жена приятеля. — Ред.*) сошла с ума. Она в этот момент находилась у своих родителей, на Полянке. Я уже ездил на машине. Юрка говорит: «Езжай туда, а я пока врачей вызову». Он жил на Спартаковской. Я приехал на Полянку, смотрю: пробка автомобильная, я в какой-то двор машину загнал, подхожу к дому, а я там никогда не был, вижу, что из окон смотрят со всех сторон, окна раскрыты, в окнах люди стоят. А пожарные разворачивают гигантский брезент и с брандсбойта бьют по окнам. Я захожу в подъезд этого дома, там какая-то дама, я спрашиваю: «А что здесь происходит?» — «Это какая-то женщина с ума сошла, что ли», — сказала она игриво. Я вошел в квартиру. Большая коммунальная квартира, но никого нет: все на работе. И вот эта испуганная подруга и Ритка, которая забаррикадировала комнату мебелью, а сама стоит на подоконнике, в щелочку вижу свет, и кидает бумаги. Я дождался, когда она с подоконника сошла за очередной серией бумажек, отжал эту дверь, пролез через баррикаду, перемахнул к окну. Она увидела меня, а у нее глаза такие странные...

«Ты, проклятый католик, на колени, я тебя сейчас спасу», — взяла банку литровую с водой, вешалку деревянную и стала меня крестить.

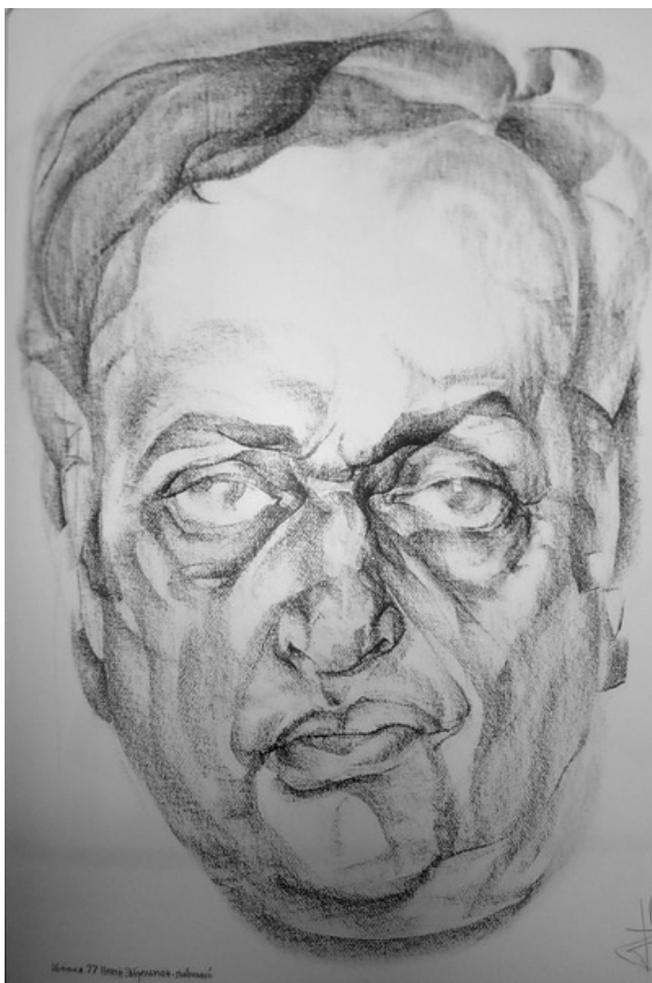
Я дождался, как полагается, пока приехала милиция, а она: «Я никуда не пойду, смотри, как я одета». Я говорю: «Надень носочки теплые», — проводил ее до машины, ее поместили в сумасшедший дом, в Кащенко, полечили, через некоторое время выпустили. Она бросилась под поезд метро и погибла все равно. Я очень мучился. Во-первых, я впервые в жизни с этим столкнулся. Во-вторых, мне хотелось избавиться от этого, что-то нарисовать.

” У меня реакция на все только одна — надо нарисовать. Вот я сейчас проехал по Норвегии шесть тысяч километров и нарисовал двести рисунков.

Н.Л.: Это сколько вы в день рисовали?

Б.Ж.: Сколько я в день рисовал? Все время. Я рисую все время... Я долго ломал себе голову, что же сделать? А тогда появились такие приборы наши, рапидографы они назывались (*рапидограф — капиллярная ручка, которая используется для выполнения точных чертежных работ. — Ред.*). Теперь они как-то по-другому называются (*изограф. — Ред.*). Такие баллончики с тушью, знаете?

Н.Л.: Да.

Отец

Слепые рисунки

Б.Ж.: Я взял рапидограф, закрыл глаза и стал рисовать с закрытыми глазами. А когда открыл, увидел... черт знает, как получилось. Я сделал целую серию, она называется «Смерть Риты». Слепые рисунки.

И после этого еще дважды на протяжении жизни у меня возникала такая внутренняя необходимость, в силу обстоятельств. Например, мы поехали в Израиль с серьезной задачей: сделать книжку. Нас возили круглые сутки, невозможно было рисовать. Я сел и нарисовал штук тридцать, наверное, слепых рисунков. Вот этот рисунок, где «падай на колени проклятый католик, я тебя сейчас спасу», вот он висит. Встаньте, посмотрите, не бойтесь.

Н.Л.: Это рапидографом, да? Один потолще красный, другой потоньше, я так понимаю.

Б.Ж.: Ну да, какой был.

Н.Л.: Да, выразительно. И с тех пор вы практикуете слепые рисунки?

Б.Ж.: Возникают периодически, как возникают такие обстоятельства. Вот я поехал в Израиль, нарисовал серию. Потом уехал с большой своей выставкой в Финляндию, а накануне поездки, буквально накануне, умерла мама. Я даже позвонил в Финляндию, сказал, что не приеду, потому что мама захворала, инсульт. Прошло девять дней, и она умерла. Я поехал в Финляндию, прожил там месяц один, в гостиничке. Хорошая гостиничка, с кухонькой. И нарисовал серию «Финляндия, смерть мамы». Вот, пожалуй, три серии всего и было: «Смерть мамы», «Израиль» и «Смерть Риты».

От дедушки и от бродяжничества, а я был большой бродяга, я исколесил весь Советский Союз до аварии. У меня была большая автомобильная авария, где погибла жена, а я выжил. Два года я выходил с того света. Вот колено — это результат той аварии в 1975 году. Я много бродил, очень: в горах, по горным рекам на плотках, на байдарках. Два-три раза в год обязательно. Дедушка, который природу обожал, показывал: «Глянь, как вода-то лежит». Природа для меня до сегодняшнего дня — важная составная часть того, что я делаю дома. Я придумал несколько для себя техник. Одна называется лаки, другая называется грунты, я их про себя называю каши. *(Показывает.)* Вот эти.

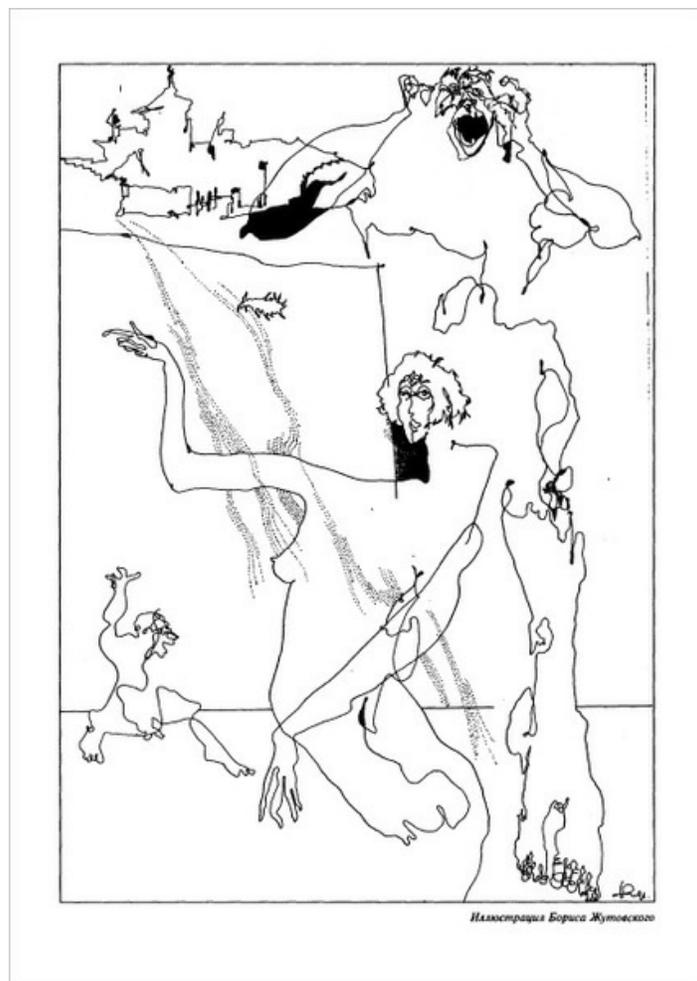

Иллюстрация в журнале «Если», 1992, № 2

Новые техники: лаки и грунты

Н.Л.: А лаки и грунты — это разные техники?

Б.Ж.: Разные. Это грунты, лаков здесь, по-моему, нет. А, вот лаки маленькие. Вот они, крошечные, малюсенькие. Вот черный лак. Например, я делал лак и впрыскивал в него золото. И это золото начинает жить в лаке само по себе. Неуправляемый процесс. Оно потом застывает. Это нерукотворная вещь. Сейчас мне трудно туда пройти, но потом я вам кое-что покажу. Я все время играю в какие-то природные игрушки. Некоторое время тому назад я стал делать книги, несколько книжек я тогда сделал. Куда-то тираж надо положить. Я стал разгребать антресоль, и тут коробка, а там куча раковин, которые я привозил со всяких морей и океанов. Невероятное количество. Невозможно их выкинуть.

Н.Л.: Я вас понимаю.

Б.Ж.: Я сделал целую серию картинок с раковинами.

Н.Л.: Это не девушки там у вас на пляжах?

Б.Ж.: В основном девки, конечно.

Н.Л.: Да-да.

Б.Ж.: Там одна есть очень симпатичная игрушка. Вот эти папочки отодвиньте и поглядите на нее. Вот эту вот черную.

Н.Л.: Да-да. (*Смеется.*) Симпатичная.

Б.Ж.: Мой приятель пришел с дочкой шестилетней, Парашкой. Парашка подходит и гладит ракушку: «Деда, это ты сделал?» Я говорю: «Я». — «Неплохая идея». (*Смеются.*) Вот такие игрушки. Я очень люблю рисовать. Кого бы мы ни взяли. Малевич, конечно, хорош, но скопировать Малевича ничего не стоит. А скопировать Ван Дейка — стоит... Важно.

Н.Л.: Но у Малевича не скопируешь смысл, который он вложил, новую идею.

Б.Ж.: Например, серия «Ландшафты правой руки». «Правой руки» — потому, что я левша. (*Разговаривают, листая книгу «Как один день».*)

Н.Л.: То есть такие как будто расщелины...

Б.Ж.: Вот вам вся эротика.

Н.Л.: Но при этом есть какие-то аллюзии на скалы...

Б.Ж.: Как хотите. Каждый для себя может придумывать всё, что ему кажется.

Н.Л.: А вы не преподавали?

Б.Ж.: Никогда. Мне очень скучно учить тому, что я умею. Скучно. Вот лаки.

Н.Л.: А ученики у вас есть?

Б.Ж.: Нет.

Н.Л.: Угу, очень красиво. А это как будто отдельная конструкция, но на холсте, я правильно понимаю?

Б.Ж.: Нет, это на бумаге.

Н.Л.: Такое ощущение, что это просто отдельная конструкция в пространстве. Новая старая любовь.

Б.Ж.: Серебро. Вот что с ним делается, понимаете? Это нельзя сделать руками, сама природа так делает. Талант состоит в том, чтобы это увидеть и остановить. Я стал делать триптихи. Последнее время я сделал семь триптихов, они там стоят, потому что в этих местах возникает отдельное напряжение зрительное, понимаете?

Н.Л.: Угу.

Б.Ж.: Это рисование. Старое рисование. Белютинских еще времен. А это просто рисование (*Смотрят картины.*)

Н.Л.: «Камский залив»?

Б.Ж.: «Камский залив».

Н.Л.: Что-то в этом есть, даже японские аллюзии.

Б.Ж.: Это офорты. Белютинская студия как раз... Это вот институт. А это дневники. Нет, это иллюстрации. Я кончил Полиграфический институт, занимался иллюстрированием книг. Это была профессия, и это был хлеб, и это была работа, серьезная.

Я сделал около двух тысяч книг за свою жизнь.

Демонстрация 7 ноября 1952 года. Слева-направо: Дмитрий Мухин, Евгений Викторов, Иван Чекмазов, Андрей Гончаров, Михаил Салтыков, Глеб Горощенко, Эдуард Рогов. Сегодня жив один Дима Мухин.

Н.Л.: *(Читает по складам.)* «Кос-ми-комические истории».

Б.Ж.: «Космикомические истории», да. Знаете, без любви к формальной категории ремесла вот такое серебро не сделаешь. Нарисовать избушку в лесу с отражением не нужно ничего особенного. Вот лаки. Это иллюстрации.

Н.Л.: «Планета людей».

Б.Ж.: «Планета людей», да. Это Мариэтта Шагинян, четырехтомник. Это мой педагог в Полиграфическом институте Андрей Дмитриевич Гончаров. Это мой портрет его работы... Я сделал девять томов «Мир животных» Акимовкина. Много потрудился в книге, много.

Н.Л.: А кто у вас в Полиграфе живопись преподавал?

Б.Ж.: Живопись, по-моему, никто не преподавал. Живописью там почти не занимались. Там была такая система. На первом курсе нам преподавал Иван Иванович Чекмазов. Позже Гарощенко, на втором курсе. А на третьем и на четвертом — Андрей Дмитриевич Гончаров.

Н.Л.: А вы учились в художественной школе или...

Б.Ж.: Да, учился в художественной школе.

Н.Л.: А в какой?

Б.Ж.: МСХШ. Вот он, рельеф.

Н.Л.: «Космос».

Б.Ж.: Да. Это из дерева я вырезал скульптурки. Это вот лаки. Лаки с коллажем. *(Долгая пауза.)* Такие рисунки были. Вдруг привезли мне фломастеры. Первые фломастеры. Теперь эти работы я держу в темноте, потому что они выцветают.

О суровом стиле и «Девятке»

Н.Л.: Скажите, а такое поветрие, как «суровый стиль»? Я очень грубо выразилась — поветрие, а целая...

Б.Ж.: Направление.

Н.Л.: Целая волна. Да, направление. Как-то вас оно коснулось? Как вы с ним, с ними взаимодействовали?

Б.Ж.: Нет, они нас не коснулись по очень простой причине. Все существование в России, в Москве, окрашено, конечно, какими-то политическими пристрастиями. «Суровый стиль» — это была группа людей, которая... «Девятка» так называемая — это была компания, которая... После смерти Сталина и прихода Хрущева у них было твердое желание настоять на своем и стать руководителями Союза художников... То есть опять борьба за власть. «Суровый стиль» — это антипод социалистического реализма. А для меня любые взаимоотношения с властью — вещь неприемлемая, особенно после 1962 года, после этого Манежа *(имеется в виду выставка в Манеже художников-авангардистов студии при Горкоме. — Ред.)*. Я все это видел собственными глазами, получал в собственное рыло, так что...

Н.Л.: А вы сможете рассказать эту историю с Хрущевым и выставкой? Не сейчас, сейчас мы еще в начале вашего пути.

Б.Ж.: Расскажу-расскажу.

О русском авангарде и «Горкоме»

Н.Л.: Вот вы рисовали, ваш дедушка, получается, давал вам советы, художественные и вообще по жизни...

Б.Ж.: Учитель.

Н.Л.: Учитель, да. Дальше МСХШ, я правильно понимаю?

Б.Ж.: Нет, МСХШ была в это же время.

Н.Л.: То есть параллельно с дедушкой. А как там проходило у вас обучение?

Б.Ж.: Меня выгнали оттуда. Я принес на занятие маленькую монографию о Модильяни.

Н.Л.: И всё?..

Б.Ж.: Выгнали.

Н.Л.: А взаимодействие с книгами как у вас происходило? Ведь это все было черно-белое... Ведь книги — это в основном библиотеки или редкие какие-то образцы, которые попадали в руки. Какие у вас были книги в тот момент... художественные?

Б.Ж.: А, то есть для смотрения?

Н.Л.: Да-да.

Б.Ж.: Ну, что-то привозили с Запада, особенно после смерти Сталина, много книжек.

Книги были на вес золота. Пауля Клее, Сальвадора Дали, Матисса. Конечно, это были открытия, немые, потому что ничего не было понятно.

Н.Л.: А московский авангард, вообще русский авангард, как вы с ним познакомились, в какой момент? Ведь это было запрещено, в музее это не увидишь. Как первая встреча произошла?

Б.Ж.: Я дружил с Родченко, застал еще Александра Михайловича. И продолжал дружить с его семьей. Недавно сравнительно умер Коля, его зять, а Варя еще жива, 96 лет ей. Дочка Родченко. Они мне дали несколько картинок Родченко, у меня дома висели. Потом, когда пошла уже такая волна, я их вернул. Это был манок: вот так еще было у нас, а потом это задушили. Тут же доживали все эти люди, на наших глазах. Я ходил к Фальку, знаком был с многими оставшимися в живых. Тот же Андрей Дмитриевич Гончаров тоже был как бы левый.

Н.Л.: Не могли бы вы рассказать про Гончарова? Какой он был человек? Я так понимаю, это один из ваших первых преподавателей?

Б.Ж.: Да. Вы здесь прочтете о нем, тут есть целый кусок, мой ближайший друг писатель Дания Данин. Запишите себе, пожалуйста, «Бремя стыда» называется книжка. «Бремя стыда» — Данин, Даниил Данин. Он в юности дружил с Гончаровым. Он жил трудной жизнью в то время... Когда-то Юрка Соболев это сформулировал: «Надо добиться того, чтоб наши идеи были понятны власти». Эта идея, кстати говоря, витала над нами, когда мы вешали свои картинки в Манеже. «Вот приедет барин — барин нас рассудит. Барин сам увидит, что плоха избушка, и велит дать лесу», — думает старушка». Вот это то самое. А потом я кончил институт, уехал работать на Урал, потом вернулся и тут же попал в студию, которая занималась настоящим искусством при горкоме, которой руководил Э. Белютин. *(Рассматривают.)*

Н.Л.: Да-да. У него же были свои трактаты о преподавании живописи?

Б.Ж.: Думаю да, думаю да.

Н.Л.: То есть это была мастерская, в которую все приходили и творили, и он там...

Б.Ж.: Белютин?

Н.Л.: Да, Белютинская мастерская.

Б.Ж.: Белютинская студия. Что такое Белютинская студия? Белютинская студия... *(Перелистывает.)* О! Вот вам слепые рисунки, вот они. Листайте сами. Что такое Белютинская студия? Власть понимала, что с художниками что-то надо делать. Все эти бульдозерные выставки... Накипало. Тогда власть решила, что нужно что-то сделать, надо выпустить пар. Существовал в Москве, по-моему, существует до сих пор... профессиональный комитет художников книги, графики и плаката, так называемый «Горком». Что это такое? В издательствах существовала большая группа людей, которые не работали в штате. Это перерисовщики, обложечники, иллюстраторы, макетчики. Люди, которые работали по договорам. А поскольку советская власть требовала, чтобы все были в куче, чтобы управлять, был создан этот Городской комитет художников книги, графики и плаката — профсоюзная организация. И вот эта профсоюзная организация, ей было, что называется, разрешено, или предписано, или посоветовано, я уж точно не знаю: они создали студию по повышению квалификации, руководить которой взялся Белютин. И доиграл эту историю до Манежа. Тут есть про всё про это. Выставки делали, раздухарились сильно, в противоположность «Девятке» МОСХа. Они хотели власти под свое искусство, но отвращали нас тем, что брали темами своего рисования то же, что и соцреализм, только по-другому написанное. Если помните, там Никоновы, Андроновы и все прочие: те же БАМы, те же лесорубы, Попков. Там были талантливые люди. Попков, Андронов, Никонов... талантливые...

Н.Л.: Васнецов.

Б.Ж.: Васнецов. Талантливая публика. С Пашей Никоновым я до сих пор в приятелях хожу. Уже многие-то умерли. Там была история такая: в Манеже выставка. А происходили в Манеже выставки регулярно, каждую осень.

” Как живописец зарабатывает деньги на жизнь? Существовал Союз художников. В Союзе художников выставочная комиссия. Ты приходишь на выставочную комиссию и приносишь эскиз. Тебе его утверждают. Ты пишешь картину. Далее ты должен эту картину устроить на выставку, потому что закупают работы только с выставок. Нужно устроить ее на выставку. Но ты должен еще на выставке завоевать такое место, устроиться, чтобы эта комиссия прошла мимо тебя. Она на всю выставку не будет ходить — ленивая.

Бабушка Мариванна с подругой и пятилетней мамкой. 1915 г.

Н.Л.: Значит, были особые пути...

Б.Ж.: Конечно.

Н.Л.: ...где нужно было...

Б.Ж.: Конечно. Была такая история. Один из художников написал картину «Хрущев и космонавты» и повесил ее на выставку. И в этот момент снимают Хрущева. Ему говорят: «Коль, убирай картину на хер, ты чего вообще? Никиту-то снесли». Говорит: «Ребята, я без денег». А он ее писал, рассчитывал на это (*заработать*. — *Ред.*). Говорит: «Ребята, дайте мне ночь, одну ночь». Ну, все свои: «Ладно». Оставили

его на ночь в Манеже. И он переписал Хрущева на глобус. (*Усмехается.*) То есть «Космонавты и глобус».

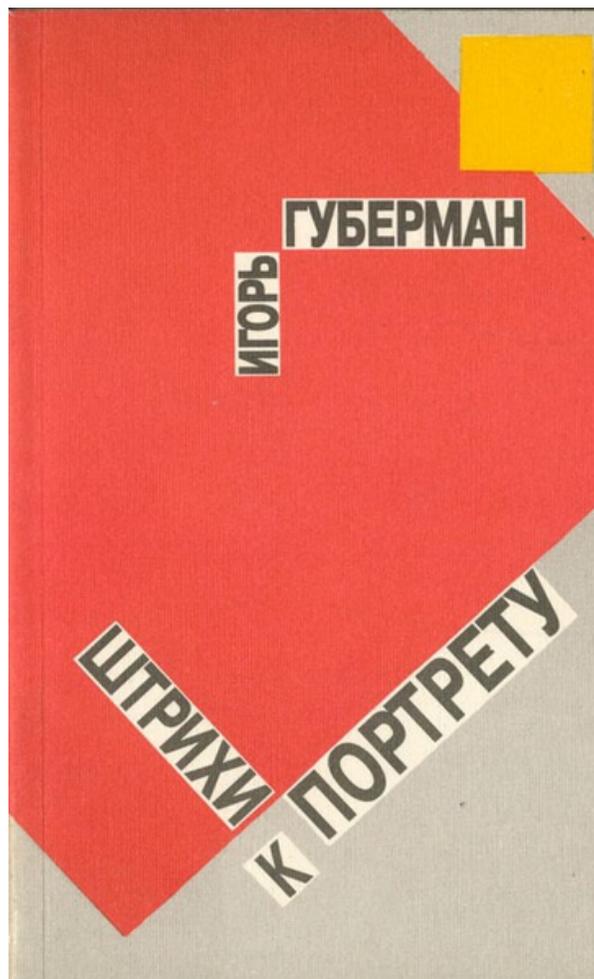
Н.Л.: (*Смеется.*) Хороший ход.

Б.Ж.: То есть я к тому, что эта система мышления — угодничества и ловкости перед властью — была нам чужда, тем паче, что многие из нас зарабатывали на хлеб другим образом. Я делал книжки. Там были свои номера, еще какие! Но другая индустрия, другой цех. Поэтому картины — это уже было такое, знаете, чистое, свое. Вот такая жизнь.

О работе над книжной графикой

Н.Л.: Вот вы говорили про индустрию книги. Каким образом происходила вот эта...

Б.Ж.: Там то же самое. Есть главный художник, есть редакции. Тебе заказывают книжку, ты делаешь иллюстрации. Если автор и редакция их принимает, и главный художник принимает, это идет в производство, и ты получаешь за это деньги. Мне повезло: в издательстве, в котором я работал — в «Молодой гвардии», сорок лет, — у меня были хорошие отношения с главным художником, меня там очень любили, я там был такой «анфан террибль». Это давало мне деньги. Жена моя покойная говорила так: «Борька, у нас сколько денег есть на книжке?». Я говорю: «Ну, тысяч десять, наверное, есть». Она: «Кончай книжки, пиши картинки». И всё под кровать, всё под кровать. Ее заслуга полная в том, что я стал художником. Другая бы жала меня и жала, жала и жала: «Деньги, деньги, делай книжки...». Тоже вполне на поверхности и объяснимая ситуация.

История бабушки и польского индейца

Н.Л.: Мы в начале оговаривали небольшую схему нашей беседы, и вы упомянули историю про дом бабушки.

Б.Ж.: Это долгая история. Пожалуйста, расскажу.

Н.Л.: Я с удовольствием послушаю.

Б.Ж.: Значит, 1902 год. В Польше восстание, всех там подавили и схватили трех молодых людей из города Радома, двух парней и девочку, и приговорили к смертной казни через повешение. Вывели на площадь и зачитали императорский указ о том, что парней повесить, а девочку помиловали и сослали на рудники Кары.

Есть такое место в Сибири — Кара, это медные рудники. Они находятся в глубокой низкой долине, закрытой горами, атмосфера там чудовищная, и в основном все умирали от туберкулеза. Она отправилась на Кару. Пешком, по тем временам. Они шли так называемым южным путем: через Оренбург, через оренбургские степи... Где-то в районе Оренбурга к ним присоединилась группа политических заключенных, революционеров, из Закавказья. По дороге у нее начинается роман с одним из этих кавказских революционеров, и на подступах к Верному, теперешняя Алма-Ата, она родила девочку. Ее отняли у нее и отдали в приют, а саму — на Кару, в рудники.

Три года она работает там на рудниках и заболевает туберкулезом. Ее, выражаясь языком профессиональным, кассируют, то есть списывают, и отправляют на вечное поселение на Чукотку. Она живет в землянке с рыбьим пузырем вместо окошка. Раз в год приезжает урядник, проверить. На второй год он приезжает — ее нет. Объявляется всероссийский розыск. Но тут дело к 1914 году, потом к 1917-му, не до поисков, ее не находят. Да и где там искать на просторах Чукотки?

Через два года ее находит, еле живую, племя шеванезов на севере Канады, индейцев шеванезов. Старухи ее отпаивают всякими травами. Она получает новое имя: Белая тучка, поскольку она блондинка, ее берет в жены вождь этого племени с сухой рукой белого человека на шнуре. Она рождает ему троих детей. И в 1938 году она просит у вождя разрешения поехать навестить своих родителей в город Радом. Он ей позволяет. Она берет с собой младшего сына, ему было четырнадцать лет, индейский мальчик, такие волосы... Он ошеломлен, потому что никогда не видел ни машины, ни паровозов. Они приезжают в Монреаль, садятся на пароход, плывут до Гавра. В Гавре садятся в поезд и через Брюссель приезжают в Польшу, в Радом. У мальчика тяжелая жизнь — все над ним издеваются, что он с длинными волосами. По-польски ничего не знает, не говорит, но здоровый индейский мальчик: лошади, стрельба... Выясняется, что родители умерли, а две ее сестры поделили наследство, в полной уверенности, что она умерла. Она начинает склоку за наследство, польская дама-то.

1-е сентября 1939 года. Не надо вам напоминать, что это за дата? Не надо. Немцы ее не трогают — она полька. А сын ее индеец. Цыгане, евреи, индейцы — в поезд и в Освенцим. И индейский мальчик взламывает полы в вагоне, выпускает семь человек, сам восьмой, они прыгают и уходят в лес. За его голову назначены невероятные деньги. Он изводит немцев пачками, потому что стреляет из лука, без выстрела, и в лесу — то он дома. Легендарный человек.

Кончается война. Советские войска входят в Польшу. Выясняется, что он сражался не за тех партизан. Он сражался за Армию Крайову, а победила Армия Людова. Его нашли, но он лучезарный, как мой дядька-

идиот, огромного роста, голубоглазый, с черными волосами и стреляет из лука. Экзотика. Его отпускают. Мама жива. В силу эйфории его принимают сразу учиться в Промышленную академию в городе Гданьске, он становится механиком на кораблях.

Через некоторое время его берут главным механиком на теплоход «Баторий». Это в Польше были первые в Европе прогулочные гигантские корабли: «Баторий-1», «Баторий...», а сейчас, по-моему, «Баторий-12» уже. Лайнеры такие. Значит, он коммунист, воспитывает детей, у него по всей Польше индейские вигвамы, томагавки, головные уборы, лошади, дети в нем души не чают. Неистовый. Он Сат-Ок Суплатович. Суплатович — это фамилия его мамы.

Первый раз его корабль причаливает в Монреале в Канаде, и к нему на встречу приезжает из фактории его сестра. Сестру у него на глазах убивают, потому что в Канаде очень большая польская диаспора, очень много поляков в Канаде, естественно, все антисоветские люди. Странники армии Крайовой.

” Второй раз, когда он приезжает туда в надежде повидать кого-то из близких, его бьют по голове бутылкой с зажигательной смесью, но она, слава богу, не загорается, после чего польское правительство запрещает ему сходить на берег в Канаде.

В 1965 году ваш покорный слуга отправляется в Польшу. Первый раз в жизни за границу. Поскольку отец поляк, а один из ближайших друзей — крупный журналист, член ЦК и друг на всю жизнь. Недавно я его похоронил, Мечислав Раковский, последний глава компартии Польши, маршал сейма и очень талантливый журналист, очень. Он член ЦК, прислал приглашение, так что тут пришлось меня выпустить.

У меня там приятель с 1957 года, с фестиваля, журналист по фамилии Райзахер. Кличка дома у него была такая — Меняла. Рай-за-хер — Меняла. Он и письма подписывал «Мениала». Тоже недавно умер. Были у него... У Раковского немножко пожили, потом к нему переехали. И Анжей говорит: «Слушай, Боба, а поедем к теще?» Я говорю: «Куда?». Он: «В Сопот из Варшавы на машине, четыреста километров». Конечно! Значит, едем, приезжаем. Теща живет на улице Чернова Армия 25 в Сопоте. А эти три города соединены: Гданьск, Сопот и Гдыня — это фактически один город на побережье Балтийского моря. Она живет в красивом старом доме...

Н.Л.: Борис Иосифович, давайте дальше историю...

Б.Ж.: Ну хорошо. Живут в Сопоте, в хорошем доме. Она журналистка в местной курортной газетке, живет с мужем, паном Михалом. 1940 год. По дороге мимо ее дома едут вереницы машин, в кузовах которых по периметру стоят мужчины, а женщины и дети сидят внутри. И немецкие солдаты.

” Везут всех в Освенцим. На одном из поворотов мужики выталкивают одного из стоящих, и он падает в кювет. Лежит в кювете и ночью ползком подкрадывается к дому и скребется. Она его пускает в дом, прячет в подвал. И всю войну он живет в подвале. Его жена и трое дочерей погибли в Освенциме. Поэтому, подъезжая, Анжей Райзахер говорит мне: «Боба, разговариваешь о чем хочешь, кроме как о 1939-м тире 1945 годе. Пан Михал не говорит об этом времени никак». — «Хорошо».

Сергей и Рада Хрущевы у гроба отца Бориса Жутовского

Пан Михал мне подарил Солженицына, а привез его Раковский. В один прекрасный день пани Стефания говорит мне: «Борис, chcesz oglądać naturalny indianina?», «Хочешь посмотреть настоящего индейца?». Я говорю: «Хочу, а где?». Она: «Наутро, завтра». Завтра мы садимся в ее драндулет и едем. Местечко между Гданьском и Сопотом. Стучим, отрывается дверь. Стоит двухметровый голубоглазый индеец. Настоящий. С такой грудной клеткой, с таким носом. «День добрый». — «День добрый».

Жена, противная полька, тут же нам рюмочки с каким-то спиртным. Кусочки еды на палочках. Мы разговариваем. «Słuchaj, Borys, — начинает он говорить, — jesteś z Rosji?». Я говорю: «Так». — «Sa niedźwiedzie w Rosji?» («Есть у вас еще медведи в России?») Я говорю: «Да, конечно есть, конечно». Он: «А можно достать где-нибудь шкуру?». Я говорю: «А тебе зачем?». Он: «Я же с детьми вожусь, сяду на шкуру, буду с ними играть». Я говорю: «Не разговор, у меня на антресолях лежит медвежья шкура пестуна двухгодовалого, хорошая шкура». Но проблема: я не могу ее перевезти, мех нельзя было перевозить через границу. Я подумал: когда в следующий раз попаду в Польшу? Говорю: «Есть, она твоя. Но...» «Dziękuję» («Спасибо»). (Смеются)... «No, dobrze». Мы приехали в Москву, живем. Телефонный звонок: «Борис?» — «Так». — «День добрый, это Сат-Ок». — «День добрый, Сат-Ок, co się stało?» — «Słuchaj, ja mieszkam w Moskwie, przyjdiesz na dworzec?» («Придешь на вокзал?») Зачем? Ничего не понимаю. Приезжаю на вокзал, он с женой. Я их запихиваю в свой крошечный «Москвич», везу домой. Жена накрыла стол, сидим. Я про себя думаю, где их положу.

Н.Л.: Таких больших.

Б.Ж.: Я говорю: «Сат-Ок, а что ты приехал-то? В чем проблема?». Он: «Борис, мне какая-то дама прислала приглашение, и я приехал». Я говорю: «Что за дама?» — «Не знаю». Я говорю: «А как с ней связаться?» — «Вот у меня есть телефон». Я беру телефон, звоню и говорю: «Добрый день, с вами говорит художник Борис Жутовский. У меня приехавший по вашему приглашению Сат-Ок Суплатович...» — «Где он?! Скорее! Стол накрыт! Мы его уже который день ждем». Я говорю: «Сейчас, мы дообедаем...» — «Не надо обедать,

стол накрыт, приезжайте немедленно!» Приезжайте да приезжайте. Я говорю: «Как приезжать? Вещи его...» — «Все забирайте и приезжайте». Я говорю: «Сат-Ок, тебя зовут, поехали». — «Поехали».

Опять загружаем автомобиль. Едем. Проспект Мира, рядом с метро «Щербаковская». Тогда это называлось «Проспект Мира», теперь метро «Щербаковская». *(На самом деле наоборот. — Ред.)* Входим в дом, звоним в дверь, открывает дверь дама. Стриженная, седая, в восточной тюбетейке и в такой тряпке, знаете, такие восточные тряпки.

Дом по тем временам богатый. Судя по всему, много комнат. На стенах ковры, на коврах оружие. Входим в комнатку, дастархан низкий, уставленный едой, пьем. Садимся на подушки.

Да, я еще забыл один эпизод. Когда я ему сказал, что у меня есть медведь, шкура, он говорит: «Я тебе сейчас сыграю в благодарность». Вынул какую-то такую штуку железную, взял в рот *(изображает игру на инструменте)*. Ну вот, сидим у этой дамы. Я: «Ты ее не знаешь, и я ее не знаю, что будем делать?» — «Росзекаś» («Подожди»). Садимся. Молодые люди тут, тоже садятся за стол. Встает эта дама с бокалом красного вина и начинает говорить. Из ее разговора выясняется, что она — та самая девочка, которую оставили в порте Верном, то есть его сестра. Каким образом? Как она его нашла? Ничего не понятно.

Она вызвала его, пригласила в гости. «Боря, вы не волнуйтесь, гостиница у него есть. Мы будем работать и писать книжку об их истории. Так что не волнуйтесь, вы его оставляйте, я его провожу в гостиницу. Мы с ним работаем. Я вам потом дам его телефон...». Ну, все как положено.

Хорошо. Он тоже расчувствовался: «Тогда я вам сыграю». Вынимает он свою херовину эту *(изображает игру на инструменте)*. Люди в восторге от музыки. «Борис, а шкура?». Я говорю: «Шкура тебя ждет. А как ты ее провезешь?» — «Нема проблем». Я говорю: «А что ты зробишь?» — «Кохани, я в купе ща шкуру под щебе, одену эту штуку свою и буду играть». *(Смеются.)* Как будто это его реквизит. Советского человека изворотливостью не испугаешь. Я еще ей сказал: «Я вам отдам Сат-Ока только с одним условием: книжку я оформляю». Действительно, я потом оформил. Она есть у меня.

Доехал, позвонил: шкуру привез, все в порядке. Через некоторое время звонок по телефону: «Борис, это пани Стефания». Она по-русски говорила хорошо. «Я, — говорит, — в Москву приезжаю». Я говорю: «Приезжайте, будете у нас жить, не разговор». Приехала счастливая. «Понимаете, Боря, — рассказывает, — я до революции жила в Москве. После революции сразу уехала во Львов, а потом из Львова в Гданьск. Вышла замуж и уехала в Гданьск. Жила в этом самом доме. У меня большое желание найти дом, где я жила». Я говорю: «А где это?». Она говорит: «Эта площадь вот так-то называется». — «Такой площади нет в Москве, все же переименовано. А что там поблизости-то есть?» Она говорит: «Что поблизости было? Бутырская тюрьма была невдалеке». Я говорю: «Слава богу, Бутырскую тюрьму я знаю, это Палиха». — «Да, Палиха улица, Палиха». Там обок издательство «Молодая гвардия», в котором я работал уже много-много лет, и знаю этот район хорошо, сейчас поймете, почему. Поехали.

Приезжаем на площадь Борьбы: «Вот этот дом, вот он!» Идем. «Квартира три». Хорошо. Звоню. Какая-то дама спрашивает: «Кто там?» — «Знаете, такая история: приехала дама из Польши, говорит, что до революции жила в этой квартире, и ей хотелось бы просто...». Нас впустили. Она закричала: «Ой, вот она, моя комната. Вот она!» В этой комнате с 1919 года до самой своей смерти жила моя бабушка Марья Ивановна. Я в этой комнате провел немалое количество лет.

Н.Л.: Потрясающие какие кольца судьбы.

Б.Ж.: У истории есть конец. Я дружу с Польшей, в Гданьске живет один из близких моих друзей, художник Влодек Лайминг. Я в очередной раз приехал в Польшу. А я уже знал, что пани Стефания умерла, пан Михал умер, а Анжей и его жена Ева продали этот дом. Они варшавяне. Я говорю: «Слушай, Влодек, давай съездим, я на дом посмотрю». Поехали. Червона Армия, 25. Подъезжаем к дому, стоит амбал с золотой цепью, охранник. Я ему: «День добрый, — и объясняю: — я бы хотел...» — «Nie można». Я говорю: «Понимаете, я та-та-та...» — «Nie można». Ну, нельзя так нельзя, что делать? И вдруг открывается дверь в этом доме, оттуда выходит холеный священник молодой, с белым воротничком, католик. Подходит к калитке, где мы стоим, и смотрит на меня с недоумением. Я говорю: «День добрый», — и начинаю

ему говорить то же самое. «Нема проблемы, — говорит священник охраннику, — нема проблемы», — и пускает нас в дом. Мы зашли, я поглядел на него: «Спасибо», — и ушел. Садимся в машину, едем обратно. Влодек совершенно каменный. «Что с тобой?» — «А ты не понял, кто это?» Я говорю: «Нет, а кто?» — «Это Ярецкий, главный ксендз Солидарности».

Н.Л.: *(Смеется.)* Ничего себе! Вот это заворот!

Б.Ж.: Вот такая история. Про Сат-Ока никто ничего не знает. Никто. И засранец Влодек Лайминг ничего не знает. Ну, нет и нет. Я думаю, наверное, он уехал в Канаду, потому что [у него] дочка родилась когда-то, и в те еще времена был разговор о том, что дочка эмигрировала в Канаду. А теперешняя моя жена фантастическая зануда, она должна всё знать, всё исследовать, все. Она залезает в компьютер. В компьютере она как дома, абсолютно. В общем, она находит, что он никуда не уезжал, что так и жил в Гданьске, там и умер, там похоронен. О нем никто ничего не знает, из моего круга, по крайней мере. А ведь это все интеллигентные люди: писатели, художники. Вот вам конец истории.

Н.Л.: У меня вопрос: как книжка называлась, которую вы иллюстрировали и которую Сат-Ок записывал?

Б.Ж.: Я не помню сейчас, я ее найду. Ничего интересного. Книжка дико плохая, дико плохая. Но где-то здесь, то ли в первом, то ли во втором томе рассказ, который есть у меня. И даже две иллюстрации мои из этой книжки. И фотография Сат-Ока.